

Федор Михайлович Достоевский

19. М. М. Достоевскому 30 сентября 1844. Петербург

30 с<ентября>.

Любезный брат,

.....

Подав я в отставку, оттого что подав, то есть, клянусь тебе, не мог служить более. Жизни не рад, как отнимают лучшее время даром. Дело в том, что я, наконец, никогда не хотел служить долго, след<овательно>, зачем терять хорошие годы? А, наконец, главное: меня хотели командировать — ну, скажи, пожалуйста, что бы я стал делать без Петербурга. Куда я бы годился? Ты меня хорошо понимаешь?

Насчет моей жизни не беспокойся. Кусок хлеба я найду скоро. Я буду адски работать. Теперь я свободен. Но что я буду делать теперь, в настоящую-то минуту? — вот вопрос. Вообрази себе, брат, что я должен 800 руб., из коих хозяину 525 руб. асс<игнациями> (я написал домой, что долгов у меня 1500 руб., зная их привычку присылать 1/3 чего просишь).

Никто не знает, что я выхожу в отставку. Теперь, если я выйду, — что тогда буду делать. У меня нет ни копейки на платье. Отставка моя выходит к 14 октябр<я>*. Если свиньи-москвичи промедлят, я пропал.

.....

У меня есть надежда. Я кончаю *роман* в объеме «Eugénie Grandet». Роман довольно оригинальный. Я его уже переписываю, к 14-му я наверно уже и ответ получу за него. Отдам в «О<течественные> з<аписки>». (Я моей работой доволен.) Получу, может быть, руб. 400, вот и все надежды мои. Я бы тебе более распространился о моем романе, да некогда* (драму поставлю непременно. Я этим жить буду).

20. М. М. Достоевскому
24 марта 1845. Петербург

24 марта.

Любезный брат,

Ты, верно, заждался письма моего, л<юбезный> б<рат>. Но меня задерживала неустойчивость моего положения. Я никак не могу заниматься вполне чем бы то ни было, когда перед глазами одна неизвестность и нерешительность. Но так как я и до сих пор ничего не сделал хорошего по части моих собственных обстоятельств, то всё равно пишу; ибо давно бы было нужно писать.

.....

Я хочу, чтобы каждое произведение мое было отчетливо хорошо. Взгляни на Пушкина, на Гоголя. Написали немного, а оба ждут монументов. И теперь Гоголь берет за печатный лист 1000 руб. сереб<ром>, а Пушкин, как ты сам знаешь, продавал 1 стих по червонцу. Зато слава их, особенно Гоголя, была куплена годами нищеты и голода.

....

Кончил я его совершенно чуть ли еще не в ноябре месяце, но в декабре вздумал его весь переделать; переделал и переписал, но в феврале начал опять снова обчищать, обглаживать, вставлять и выпускать. Около половины марта я был готов и доволен*. Но тут другая история: цензора не берут менее чем на месяц. Раньше отцензировать нельзя. Они-де работой завалены. Я взял назад рукопись, не зная, на что решиться. Ибо кроме четырехнедельного цензурования печать съест тоже недели три. Выйдет к маю месяцу. Поздно будет! Тут меня начали толкать и направо и налево, чтобы отдать мое дело в «Отечеств<енные> записки». Да пустяки. Отдашь, да не рад будешь. Во-первых, и не прочтут, а если прочтут, так через полгода. Там рукописей довольно и без этой. Напечатают, денег не дадут. Это какая-то олигархия.

22. М. М. Достоевскому
8 октября 1845. Петербург

8 октября.

Любезнейший брат,

До сих пор не было у меня ни времени, ни расположения духа уведомить тебя о чем-нибудь до меня касающемся. Так всё было скверно и гадко, что самому тошно было глядеть на свет Божий. Во-первых, дражайший, единственный друг мой, всё это время я был без копейки и жил на кредит, что весьма скверно. Во-вторых, было вообще как-то грустно, так что поневоле опадаешь духом, не заботишься о себе и становишься не безмозгло равнодушным, но, что хуже этого, переходишь за предел и бесишься и злишься до крайности.

Нужно тебе знать, что Белинский недели две тому назад прочел мне полное наставление, каким образом можно ужиться в нашем литературном мире, и в заключение объявил мне, что я непременно должен, ради спасения души своей, требовать за мой печатный лист не менее 200 р. асс<игнациями>. Таким образом мой Голядкин пойдет по крайней мере в 1500 рублях ассиг<нациями>.

''''''''''

Я бываю весьма часто у Белинского. Он ко мне донельзя расположен и серьезно видит во мне *доказательство перед публикою* и оправдание мнений своих. Познакомился я на днях с Кронебергом, переводчиком Шекспира (сыном стар<ого> Кронеберга, харьк<овского> проф<ессора>). Вообще говоря, будущность (и весьма недалекая) может быть хороша и может быть и страх как дурна. Белинский понукает меня дописывать Голядкина. Уж он разгласил о нем во всем литературн<ом> мире и чуть не запродавал Краевскому, а о «Бедных людях» говорит уже пол-Петербурга.

...